

Элизабет Вернер

Гонцы весны

Элизабет Вернер

Гонцы весны

«Public Domain»

1880

Вернер Э.

Гонцы весны / Э. Вернер — «Public Domain», 1880

«— И это называется здесь весной! Метель с каждой минутой усиливается, а тут еще этот приятный норд-ост дует с такой силой, словно хочет унести карету. Черт знает что! Действительно, почтовая карета, пассажир которой таким образом выражал свое недовольство, еле двигалась в снегу. Несмотря на все усилия, лошади шли почти шагом, испытывая терпение обоих путешественников...» Книга также выходила под названием «Первые ласточки».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эльза Вернер

Гонцы весны

Глава 1

– И это называется здесь весной! Метель с каждой минутой усиливается, а тут еще этот приятный норд-ост дует с такой силой, словно хочет унести карету. Черт знает что!

Действительно, почтовая карета, пассажир которой таким образом выражал свое недовольство, еле двигалась в снегу. Несмотря на все усилия, лошади шли почти шагом, испытывая терпение обоих путешественников.

Более молодому из них, одетому в очень элегантный, но слишком легкий для такой погоды костюм, едва ли было больше двадцати четырех лет. Настоящая отвага или, скорее, юношеский Задор светился в прекрасных, открытых чертах лица, в темных глазах, так смело и ясно смотревших на Божий мир, как будто никакая тень их еще не омрачала. Во всей его внешности было что-то удивительно привлекательное, но юный путешественник чрезвычайно нетерпеливо относился к неудобствам пути и всеми способами выражал свое недовольство.

Тем равнодушнее казался его спутник, который, закутавшись в серый плащ, примостился в другом углу экипажа. Он был, по-видимому, несколькими годами старше, но в его внешности не было ничего привлекательного. Его лицо было неприятным; хотя его черты и могли претендовать на красоту или правильность, но в них было что-то отталкивающее. Глубокая горечь и суровость тяжелых жизненных испытаний еще не могли быть присущи его возрасту, и все же, несомненно, на его лице лежал отпечаток чего-то, что делало его старше, чем он был на самом деле. Густые темные волосы гармонировали с такими же темными бровями, но его глаза были того неопределенного цвета, который, как правило, не считается красивым. И в них, действительно, не было ничего привлекательного, никакой жизнерадостности, никакой мечтательности или страстности, которыми обычно так богата юность. Холодный, безрадостный взгляд как и вся внешность молодого человека поражали своей суровостью.

До сих пор он спокойно глядел на метель; теперь же обернулся и ответил на нетерпеливое восклицание своего спутника:

– Ты забываешь, Эдмунд, что мы не в Италии. В наших широтах, да еще здесь, в горах, март полностью принадлежит зиме.

– Моя дивная Италия! Мы оставили ее в солнечных лучах, в цвету, а здесь, на родине, нас встречает снежная буря прямо с Северного полюса! В этом климате ты, очевидно, чувствуешь себя превосходно. Да и все путешествие на юг было для тебя только неприятной обузой. Не отрицай, Освальд, ты с большим удовольствием остался бы дома со своими книгами.

Освальд пожал плечами.

– О том, чего бы я желал или не желал, не было вообще речи. Ты не должен был ехать без провожатого, и надо было просто подчиниться необходимости.

– Да, ты был приставлен ко мне в качестве ментора, – расхохотался Эдмунд, – с высочайшим поручением надзирать за мной и в случае нужды обуздать.

– Что мне совершенно не удалось. Ты достаточно-таки наделал глупостей.

– К чему вообще молодость и богатство, если нельзя наслаждаться жизнью! Положим, я проделывал это один. Да, Освальд, ты не был хорошим товарищем. Почему ты так упрямо и мрачно замыкался в себе?

– Потому что знал: то, что дозволено владельцу майората, графу Эттерсбергу или, в крайнем случае, будет прощено ему лишь с нежным упреком, мне будет инкриминировано как тяжкое преступление, – сухо возразил Освальд.

– Да нет, неправда! – воскликнул Эдмунд. – Ты ведь великолепно знаешь, что в любом случае всю ответственность за нас обоих я взял бы на себя. Конечно, я и так беру всю вину на себя лично. Ну, приговор относительно меня не будет слишком строг, но вот когда ты по возвращении выскажешь свои планы на будущее, то тебе не миновать жестокой бури.

– Я знаю это.

– И на этот раз я не буду на твоей стороне, как тогда, когда ты так решительно отказался от военной службы, – продолжал молодой граф. – Тогда я помог тебе, так как думал, что ты поступишь на гражданскую службу. Мы все так думали, а ты вдруг ни с того ни с сего являешься со своей безумной идеей.

– Идея далеко не так безумна и не так нова, как ты полагаешь. У меня она созрела еще тогда, когда я вместе с тобой поступил в университет. Я делал все, чтобы моя мечта осуществилась, но хотел избавиться от долголетних и бесполезных споров, поэтому и молчал до сих пор; сейчас же все должно решиться.

– А я говорю тебе, что ты заставишь возмутиться всю семью. Да это, действительно, неслыханное дело. Один из Эттерсбергов – адвокат, защищающий первого попавшегося вора или мошенника! Мать никогда не согласится на это и будет совершенно права. Когда ты поступишь на гражданскую службу...

– То пройдут годы, пока я осилю первые ступени, – переубедил его Освальд, – а до тех пор я буду полностью зависеть от тебя и твоей матери.

В тоне последних слов было столько горечи, что Эдмунд подскочил на месте.

– Освальд! Разве я когда-нибудь давал тебе почувствовать это?

– Ты – нет, но именно поэтому я сильнее чувствую это.

– Ну, здесь мы опять на мертвой точке; ты можешь выкинуть самую нелепую штуку, лишь бы избавиться от этой так называемой зависимости. Но что это значит? Почему остановилась карета? Право, мне кажется, что мы совсем застряли в снегу.

Тем временем Освальд уже успел опустить окно кареты и высунуться из него.

– Что случилось? – спросил он.

– Не проехать, – последовал равнодушный ответ почтальона, находившего такое положение вещей весьма естественным.

– Не проехать! – с гневной усмешкой повторил Эдмунд. – И этот господин объявляет нам это с таким философским спокойствием! Итак, мы застряли. Что же дальше?

Освальд ничего не ответил, но открыл дверцу и вышел из кареты. Положение, в котором очутились путешественники, можно было оценить одним взглядом; приятным его во всяком случае назвать было нельзя. Дорога спускалась в этом месте довольно круто в сторону и узкий горный проход, который надо было проехать, был совершенно занесен снегом, так что продвижение вперед казалось совершенно невозможным. Кучер и лошади, по-видимому, прекрасно поняли это, потому что последние стояли, понуро склонив головы, а кучер бросил вожжи и так смотрел на своих пассажиров, словно ждал от них ответа или помощи.

– Эта проклятая срочная почта! – воскликнул Эдмунд, последовавший за своим спутником. – Почему мы не велели выслать нам собственных лошадей! Теперь мы ни за что не попадем в Эттерсберг до наступления сумерек. Кучер, нам необходимо ехать!

– Никак невозможно, – с невозмутимым спокойствием объявил тот. – Господа и сами понимают это.

Молодой граф намеревался было выругаться, однако Освальд взял его за руку и произнес:

– Он прав. Проехать, действительно, невозможно; с двумя лошадьми здесь ничего не поделаешь. Нам ничего не остается, как отправить почтальона до ближайшей станции еще за парой лошадей и подождать здесь, в карете, пока он вернется.

– Чтобы тем временем нас здесь совсем занесло снегом? В таком случае я предпочитаю пешком отправиться на почтовую станцию.

Освальд оценивающим взглядом окинул дорожный костюм своего спутника, больше пригодный для железнодорожного купе или удобного экипажа.

– В этом костюме ты хочешь пройти по лесу, где на каждом шагу можно по колени завязнуть в сугробах? Да и вообще ты простудишься здесь на резком ветру. Возьми мой плащ!

С этими словами он снял с себя плащ и накинул его на плечи графа, энергично, но тщетно пробовавшего сопротивляться.

– Оставь, а то ты окажешься совершенно незащищенным от метели.

– Мне это не повредит. Я не неженка.

– По-твоему, я неженка? – спросил задетый за живое Эдмунд.

– Нет, ты только избалован! Но теперь в любом случае необходимо принять какое-нибудь решение. Или мы останемся в карете и отправим почтальона, или попытаемся идти дальше пешком. Решай скорее, что будем делать.

– Ах, если бы ты не был так ужасно категоричен! – со вздохом промолвил Эдмунд, – ты постоянно ставишь передо мной эти «или – или». Разве я знаю, можно ли пройти пешком?

Здесь разговор был прерван. Невдалеке послышалось фыркание лошадей, и сквозь туман и завесу падающего снега можно было различить вторую карету. Сильные животные сравнительно легко преодолевали трудности пути, но и они вынуждены были здесь остановиться. Кучер потянул вожжи, посмотрел, покачав головой, на препятствие и нагнулся к окну кареты. Его сообщение, по-видимому, было немногим более утешительно, чем сообщение почтальона, и принято так же нетерпеливо, потому что звонкий молодой голос, отвечавший ему, звучал сердито:

– Как бы то ни было, Антон, мы должны проехать.

– Но что же делать, барышня, если проехать нельзя!

– Глупости! Это необходимо. Я сейчас посмотрю сама.

Дверца кареты открылась, и из нее выскочила очень молоденькая барышня. Очевидно, она была прекрасно знакома с мартовской погодой в горах, так как ее костюм был совсем зимний. Опушенный мехом жакет облегал стройную фигуру в темном дорожном платье, и густая вуаль, прикрепленная к шляпе, почти совсем закутывала голову. Казалось, ее очень мало трогало, что она почти по щиколотки утопала в мягком снегу; она храбро сделала несколько шагов вперед, но остановилась, заметив впереди себя другую карету.

Оба мужчины также обратили на нее свое внимание. Правда, Освальд бросил лишь беглый взгляд на вновь прибывших и все свое внимание снова обратил на свое критическое положение, зато Эдмунд сразу потерял к нему всякий интерес. Предоставив все своему спутнику, он в следующее мгновение очутился возле незнакомки и среди снежных сугробов поклонился столь безупречно, словно находился в салоне.

– Простите, сударыня, но, как я вижу, не только нас настигла эта несравненная весенняя погода. Все-таки, знаете, утешительно иметь товарищей по несчастью, а так как нам угрожает, очевидно, одинаковая опасность быть засыпанными здесь снегом, то вы, надеюсь, разрешите предложить вам наши услуги.

Граф Эттерсберг при этом совсем забыл, что он и Освальд сами были совершенно беспомощны. На беду его поймали на слове, так как барышня, несколько не смущаясь, тотчас же заявила своим прежним уверенным тоном:

– В таком случае, будьте добры, проложите нам дорогу в снегу!

– Я? – спросил изумленный Эдмунд, – я должен?..

– Проложить нам дорогу в снегу!

– С величайшим удовольствием, сударыня, если бы вы объяснили, с чего мне начать.

Маленькая ножка с нетерпением топнула по земле и не менее нетерпеливо прозвучал ответ:

– Я думала, что, предлагая мне свою помощь, вы уже знали, как это сделать. Во всяком случае нам во что бы то ни стало необходимо проехать.

С этими словами говорившая откинула вуаль, чтобы осмотреть местность. Но то, что скрывалось под темно-синей тканью, было так необыкновенно прекрасно, что Эдмунд забыл свой ответ. И действительно, едва ли можно было увидеть более очаровательное зрелище, чем раздумянное морозом личико этой молодой девушки. Ее темно-каштановые волосы шаловливыми кудрями упрямо выбивались из-под шелковой сетки, тщетно старавшейся удержать их. В темно-синих глубоких глазах совершенно не было того спокойствия и кротости, каких обычно от них ожидают; они сверкали скорее смелым задором, обычно присущим только счастливой юности. Когда она смеялась, на ее щеках образовывались очаровательные ямочки, но вокруг маленького ротика ложилась морщинка, несомненно, указывавшая на упрямство, а немного запрокинутая назад головка ясно давала понять, сколько в ней скрывалось всяких причуд и капризов. Но, может быть, это и было как раз то, что придавало этому личику своеобразное очарование и приковывало к нему восхищенные взоры.

От молодой девушки, конечно, не ускользнуло восхищение, произведенное ею, и на ее устах мелькнула легкая улыбка. Впрочем, изумление Эдмунда продолжалось недолго. Смущение и застенчивость никогда не были его пороками, и он уже хотел рассыпаться в комплиментах, как Освальд перебил его.

– Все затруднения мы сможем преодолеть, – с легким поклоном промолвил он. – Если вы, сударыня, разрешите припрячь ваших лошадей впереди наших, то можно будет переправить сперва нашу карету, а затем таким же способом ваш экипаж.

– Необыкновенно практично! – с досадой воскликнул Эдмунд, чрезвычайно рассердившись на то, что ему не дали договорить комплименты.

Но и молодая девушка была, по-видимому, поражена тем сухим тоном, каким было сделано предложение. В высшей степени непрактичное изумление графа Эттерсберга ей было, очевидно, гораздо приятнее, чем практичное равнодушие его спутника.

– Распоряжайтесь, пожалуйста, как вам угодно, – так же сухо ответила она и приказала кучеру исполнять все распоряжения Освальда, а сама направилась к карете, чтобы спрятаться от непрекращавшейся метели.

Эдмунд поспешно последовал за ней. Он нашел необходимым помочь ей сесть, а также остаться на подножке, чтобы уведомлять обо всем, что так энергично проделывал Освальд.

– Вот они тронулись, – докладывал он ей в опущенное окно. – Они еле-еле продвигаются при помощи четырех лошадей; на подъеме дело обстоит серьезнее, несчастная почтовая карета трещит по всем швам. Оба кучера ничего не умеют. Счастье, что всем командует мой спутник. Да, вот они уже перевалили через самый большой сугроб! Освальд уже стоит наверху и указывает им направление.

– А вы тем временем стоите на подножке и ничего не делаете, – усмехнулась молодая девушка.

– Но не можете же вы требовать, – стал защищаться Эдмунд, – чтобы я бросил вас одну среди дороги. Кто-нибудь же должен был остаться для вашей защиты.

– Не думаю, чтобы здесь можно было бояться разбойничьего нападения; насколько я знаю, наши дороги вполне безопасны. По-видимому, вы очень довольны своим местом.

– Конечно, потому что отсюда мне очень удобно любоваться такой непревзойденной красотой!

Этот смелый комплимент, очевидно, вовсе не понравился девушке, так как темно-синяя вуаль мгновенно закрыла хорошенькое личико. Увидев свою оплошность, граф Эттерсберг немного смутился и стал сдержаннее.

Прошло почти четверть часа, пока почтовую карету переправили через опасное место. Освальд вернулся, за ним следовали кучера с лошадьми. Эдмунд все еще стоял на подножке

и, должно быть, уже получил прощение за свою дерзость, потому что между ним и молодой девушкой происходил очень оживленный разговор.

– Я должен попросить вас, сударыня, выйти из кареты, – сказал Освальд, подходя к ним. – Подъем очень крутой, а снег очень глубокий. Наша почтовая карета несколько раз могла опрокинуться, а ваш экипаж значительно тяжелее; ехать было бы очень рискованно.

– Но, Освальд, подумай, что ты говоришь! – воскликнул Эдмунд. – Не может же наша спутница идти здесь пешком... Это невозможно!

– Не невозможно, а только не особенно приятно, – последовал равнодушный ответ. – Колеса проложили довольно глубокую колею, и если ее придерживать, то идти уже будет не так трудно. Но если вы не решаетесь...

– Я не решаюсь? – возмущенно перебила его девушка. – О, прошу вас не приписывать мне такой боязливости. Я решусь при любых обстоятельствах.

С этими словами она вышла из кареты и в следующий миг уже стояла на дороге. Тотчас же ветер подхватил и поднял ее вуаль; крошечные ручки девушки ухватились за нее, пытаясь поправить; но вуаль крепко зацепилась за шляпу, и, к величайшему удовольствию Эдмунда, она ничего не могла с ней поделать.

Между тем лошадой запрягли во вторую карету. Так как дорога была уже проложена, то дело шло быстрее; тем не менее Освальду все время приходилось направлять кучеров. Метель все еще не прекращалась, а ветер гнал и крутил снежные хлопья. Неясно, словно сквозь белую пелену, по обе стороны дороги вырисовывались ели, а вся даль была скрыта туманом. Надо было иметь много юношеского задора и юмора, чтобы находить эту дорогу сносной или даже приятной. К счастью, этими качествами молодые путники обладали в полной мере. На все они смотрели как на увеселительную прогулку. Тяжелая дорога, где на каждом шагу они по колени погружались в снег, непрестанная борьба с ветром, все малые и большие препятствия, которые приходилось преодолевать, служили для них неисчерпаемым источником веселья. Разговор не прерывался ни на одну минуту, это была настоящая перепалка; каждое слово подхватывалось на лету и возвращалось обратно. Ни в насмешке, ни в поддразнивании никто не оставался в долгу, и все это было так непринужденно, так естественно, словно они были знакомы друг с другом очень давно.

Наконец подъем благополучно миновали. Дорога, разделявшаяся здесь, не представляла в дальнейшем таких препятствий, которые были только что преодолены. Кареты уже стояли рядом, и лошади были снова перепряжены на свои места.

– Теперь нам, вероятно, придется расстаться, – сказала девушка. – Вы, конечно, поедете по большой дороге, а мой путь лежит в этом направлении.

– Но, во всяком случае, не слишком далеко? – поспешно спросил Эдмунд. – Прошу прощения, но это дорожное приключение со своими препятствиями лишило возможности соблюдать этикет. Мы до сих пор даже не отрекомендовались вам. Разрешите мне в этом не совсем обычном положении представиться вам: граф Эдмунд фон Эттерсберг, имеющий, кроме того, удовольствие представить вам своего двоюродного брата Освальда фон Эттерсберга. От необходимых салонных поклонов вам придется нас избавить, а то этот милый норд-ост немедленно бросит нас в снег к вашим ногам.

При упоминании фамилии Эттерсбергов девушка вздрогнула.

– Граф Эдмунд? Владелец майората Эттерсберга?

– К вашим услугам!

На губах незнакомки скользнула мимолетная усмешка.

– Ивы были моим спасителем. Мы помогали друг другу выпутаться из беды? О, это неподражаемо!

– Мое имя, по-видимому, знакомо вам? – сказал Эдмунд. – Я тоже могу узнать...

– Кто я? Нет, граф, этого вы не узнаете ни в коем случае. Но я советую вам в Эттерсберге промолчать об этой встрече. То же самое дома сделаю и я, потому что нам все-таки изрядно попадет, если мы сознаемся, хотя мы с вами решительно ни в чем не виноваты.

Здесь самообладание покинуло говорившую, и она залилась таким звонким, веселым смехом, что Освальд с изумлением взглянул на нее, Эдмунд же, наоборот, тотчас стал вторить ей.

– Следовательно, между нами существуют такие тайные отношения, о которых я пока не имею ни малейшего понятия, – сказал он. – Во всяком случае, у вас, кажется, очень веселый характер, а так как вы ни за что не хотите раскрыть свое инкогнито, то разрешите, по крайней мере, посмеяться вместе с вами. – И он стал хохотать так же весело и от всего сердца, как и она.

– Карета готова, – прервал Освальд их бурное веселье. – Пора садиться.

Оба тотчас же перестали смеяться, и их лица очень ясно показывали, что такое вмешательство они считали очень неделикатным. Молодая девушка закинула головку назад, с головы до ног смерила говорившего взглядом и, отвернувшись от него, без лишних слов направилась к экипажу. Эдмунд, конечно, пошел следом, отстранил кучера, стоявшего у подножки, помог девушке сесть и закрыл дверцы.

– И я, действительно, не должен знать, кого именно столь милостиво, но, к сожалению, так ненадолго послал мне случай на моем пути? – спросил он, склонившись в окно.

– Нет, граф! Может быть, вы получите разъяснение в Эттерсберге, если мои приметы там известны. Я же ничего вам не скажу. Еще один вопрос! Скажите, ваш кузен всегда так учтив и участлив, как сегодня?

– Вы думаете так потому, что в продолжение всего пути он не сказал ни слова? Да, к сожалению, у него всегда такая манера относиться к незнакомым, что же касается его вежливости, – вздохнул Эдмунд, – то вы не поверите, сударыня, сколько раз мне приходилось вмешиваться, чтобы исправить этот его недостаток.

– Ну, вы относитесь к этой задаче с полным самопожертвованием, – насмешливо улыбнулась девушка, – и вообще у вас невероятная любовь к каретной подножке. Вы опять стоите на ней.

Эдмунд, действительно, стоял там и простоял бы еще долго, если бы кучер, взявшийся за вожжи, очень ясно не выказывал своего нетерпения.

Прекрасная незнакомка ласково кивнула Эдмунду головой и сказала:

– Благодарю вас за помощь! Прощайте!

– Могу же я надеяться на «до свиданья?»

– Ради Бога, нет! От этого мы должны отказаться... Да вы и сами поймете это. Прощайте, граф фон Эттерсберг!

Прощанье закончилось таким же как раньше задорным смехом. Лошади тронулись, и граф с большой неохотой спустился с подножки.

– Ты соблаговолишь наконец сесть? – раздался голос Освальда. – Ты так спешил домой, а мы порядочно опоздали.

Эдмунд кинул еще один взгляд вслед уезжавшему экипажу, скрывавшемуся за поворотом дороги, а затем спросил:

– Кто эта барышня, Освальд?

– Откуда же я могу это знать?

– Ты же долго пробыл около кареты, мог спросить кучера.

– Не в моем характере расспрашивать кучеров, да, кроме того, меня это очень мало интересует.

– Но зато очень интересуется меня! – раздраженно воскликнул Эдмунд. – Впрочем, это очень похоже на тебя. Ты не удостоился задать ни одного вопроса при такой интересной

встрече. Не знаю, что мне делать с этой девушкой! Она удивительно хороша, но очень оригинальна: притягивает и сразу же отталкивает. Восхитительный маленький чертенок!

– Но страшно избалованный и упрямый! – отрезал Освальд.

– Ты ужасный педант! – возразил молодой граф. – Ты всюду найдешь что-нибудь дурное. Как раз этот веселый задор делает девушку неотразимой. Но кто она может быть? На дверцах кареты нет герба, на кучере нет ливреи, значит, представительница какого-нибудь буржуазного семейства из окрестностей, но тем не менее знает нас, по-видимому, очень хорошо. Однако почему же она отказалась назвать свое имя? Что значит ее намек на уже существующие отношения? Я тщетно ломаю себе голову над разрешением этой загадки.

Освальд, очевидно находивший ломание головы над такими пустяками совершенно излишним, молча откинулся в угол кареты; путешествие продолжалось без особых препятствий, но по-прежнему медленно. На всех станциях, к великому недовольству графа, вместо требуемых четырех лошадей им давали только двух, и таким образом путешественники с момента выезда с железнодорожной станции опоздали больше чем на два часа. Уже давно наступил вечер, когда экипаж въехал, наконец, во двор замка Эттерсберга, где путников с нетерпением ждали.

Двери большого, ярко освещенного подъезда были широко раскрыты, и многочисленные слуги поспешно выбежали им навстречу. Один из них, уже пожилой человек, одетый в богатую ливрею Эттерсбергов, сразу же подошел к карете.

– Добрый вечер, Эбергард! – радостно воскликнул Эдмунд. – Вот и мы, несмотря на метель и бурю. Надеюсь, у нас все благополучно?

– Слава Богу, ваше сиятельство! Но графиня была озабочена таким опозданием и боялась, как бы с вами не случилось несчастья.

С этими словами Эбергард откинул подножку; в это время наверху лестницы, ведущей из подъезда внутрь замка, появилась высокого роста дама в темном шелковом платье.

Выскочить из кареты, вбежать в подъезд и взлететь по ступенькам вверх было для Эдмунда делом одного мгновения, и в следующую секунду он уже был в объятиях матери.

– Мамочка! Родная моя мамочка, наконец-то я вижу тебя снова!

В этом восклицании не было и следа той шутиливой беспечности, какую молодой граф выказывал до сих пор. В нем слышался настоящий голос сердца, и то же самое выражение страстной нежности было на лице и в тоне графини, когда она, заключив сына в объятия и целуя его, повторила несколько раз:

– Мой Эдмунд!

– Мы опоздали, правда? – спросил он. – Виной этому явились занесенные снегом дороги и жалкие почтовые клячи, а, кроме того, у нас было еще маленькое приключение.

– Как можно было вообще ехать в такую погоду! – с нежным упреком промолвила графиня. – Я каждую минуту ждала известий, что ты остановился в Б. и приедешь только завтра.

– Неужели я смог бы быть в разлуке с тобой еще целые сутки? – перебил ее Эдмунд. – Нет, мама, этого я никак не смог бы вынести, и ты сама не веришь в это.

– Конечно, нет, – улыбнулась мать, – и потому-то я так волновалась в последние два часа. Но теперь пойдем! После холодной и утомительной дороги тебе надо отдохнуть.

Она хотела взять сына под руку, но тот остановился, проговорив с легким упреком:

– Мама, разве ты не видишь Освальда?

Освальд фон Эттерсберг следовал за двоюродным братом. Сейчас он стоял в тени лестницы и подошел к графине лишь тогда, когда последняя обратилась к нему:

– Добро пожаловать, Освальд!

Это приветствие было произнесено очень холодно, и так же холодно и официально Освальд приложился к руке тетки.

– Ты насквозь промок; что случилось?

– Боже мой, я совсем забыл об этом! – воскликнул Эдмунд. – Он отдал мне свой плащ и вынужден был испытать на себе все прелести такой непогоды. Я мог бы вернуть его тебе, по крайней мере, в карете. Освальд, почему ты не напомнил мне о нем? Из-за этого тебе пришлось битых два часа ехать в мокром. Как бы это только не отразилось на твоём здоровье!

Он поспешно сбросил с себя плащ и пощупал совершенно мокрый костюм Освальда, но тот нетерпеливо отстранил его:

– Оставь, пожалуйста! Стоит ли говорить об этом.

– То же самое думаю и я, – заметила графиня, которой, по-видимому, очень не нравилась такая заботливость сына. – Ты ведь знаешь, что Освальд вовсе не подвержен простудам. Надо только переменить костюм. Ступай, Освальд! Ах, еще одно, – добавила она словно мимоходом, – я велела приготовить тебе другую комнату, наверху, в боковом флигеле.

– Зачем же? – удивился Эдмунд. – Мы постоянно жили рядом.

– В твоих комнатах я сделала некоторую перестановку, мой друг, – сказала графиня тоном, не допускающим возражений, – и я вынуждена была занять комнату Освальда. Он, наверное, ничего не будет иметь против, тем более что прекрасно может устроиться наверху.

– Конечно, милая тетушка!

Ответ прозвучал вполне спокойно и равнодушно, однако в нем, несомненно, крылось что-то такое, что поразило молодого графа. Он нахмурил брови и намеревался возразить, но остановился, взглянув на окружающих слуг. Вместо этого он внезапно подошел к двоюродному брату и взял его за руку.

– Ну, все устроится к лучшему. А теперь, Освальд, ступай и сейчас же переоденься! Слышишь, немедленно! Сделай это для меня, а то я все время буду упрекать себя. Во всяком случае, мы будем ждать тебя за столом.

– Эдмунд, я жду тебя, – резко промолвила графиня.

– Сию минуту, мама! Эбергард, посветите господину фон Эттерсбергу, и приготовьте ему сухое платье!

Эдмунд подал матери руку, чтобы отвести ее наверх.

На проявление такой сердечной заботливости Освальд не ответил ни слова. Несколько секунд он глядел им вслед и затем, взяв у старого слуги подсвечник, сказал:

– Спасибо, Эбергард. Я найду дорогу один. Позаботьтесь о моем чемодане!

Затем он исчез в слабо освещенном коридоре, ведущем в боковой флигель замка.

Свеча бросала яркий свет на лицо Освальда, которое сейчас, когда он остался один, потеряло равнодушное выражение. Губы были плотно сжаты, брови мрачно нахмурены, и выражение почти ненависти исказило его черты, когда он вполголоса сказал:

– Когда же, наконец, я буду свободен?

Глава 2

Род графов Эттерсбергов некогда был очень многочислен, но с течением лет смерть отдельных членов или замужество женщин постепенно отрубали одну ветвь за другой, и ко времени настоящего рассказа, кроме овдовевшей графини, жившей в Эттерсберге, в живых были только два представителя рода: граф Эдмунд, настоящий владелец майората, и его двоюродный брат Освальд.

Последний разделял участь всех младших сыновей тех родов, имения которых представляют собой майорат. Не имея состояния, он был в полной зависимости от старшего в роде, во всяком случае до тех пор, пока не завоеует себе известность.

Правда, так было не всегда; наоборот, когда Освальд появился на свет Божий, родители приветствовали его как будущего наследника майората. Тогдашний глава рода, отец Эдмунда, был бездетным и стал вдовцом в уже довольно преклонном возрасте; поэтому его единственный брат, значительно моложе его, служивший в армии, мог с полным правом считать себя будущим наследником, и ему казалось особым счастьем, что у него родился сын. До этого у него были только дочери, умиравшие в очень раннем возрасте. Дядя радостно приветствовал событие, обеспечивавшее продолжение его рода, и в течение первых лет жизни виды на будущее маленького Освальда были самыми блестящими.

Но вдруг произошли совершенно неожиданные изменения. Старый граф, которому стукнуло уже далеко за шестьдесят, женился вторично на двадцатилетней девушке. Молодая графиня была прекрасна, но из обедневшей, хотя и благородной семьи. В то время рассказывали, что ее родственники принимали всевозможные меры, чтобы добиться этой очень выгодной партии, хотя этот брак не мог удовлетворить влечение сердца молодой девушки, тем более что он разрывал, как утверждали многие, союз двух любящих сердец. Что здесь больше подействовало – принуждение или уговоры – никто этого не знал; как бы то ни было, молодая девушка согласилась на брак, дававший ей завидное положение в свете. Старый граф Эттерсберг настолько отдался так поздно вспыхнувшей страсти, что забыл все остальное, и когда судьба послала ему неожиданное счастье – держать в руках наследника майората, прекрасная и умная женщина была полновластной хозяйкой.

Понятно, что младший брат с большим огорчением почувствовал крушение своих надежд, и так же понятно, что он не питал особенных чувств к невестке. Прежние сердечные отношения, существовавшие между братьями, сменились холодностью и отчуждением, которые продолжались до смерти младшего. Он и его жена вскоре умерли друг за другом, и осиротевший мальчик был взят в дом дяди, где воспитывался вместе с молодым наследником майората.

Но старый граф Эттерсберг ненадолго пережил брата. В своем завещании опеку над сыном и племянником он передал шурину, брату жены, всегда помогавшему сестре, когда ей бывала необходима помощь мужчины.

В общем, это завещание давало графине полнейшую свободу и самостоятельность, она сама управляла всеми имениями и следила за воспитанием обоих мальчиков.

Теперь оно было завершено; граф Эдмунд в течение зимы вместе с двоюродным братом долго путешествовал по Франции и Италии, и наконец возвратился домой, чтобы ознакомиться с управлением своих имений, за которое он должен был взяться сам после наступления совершеннолетия, между тем как Освальд готовился поступить на службу.

На следующий день по приезде обоих молодых людей погода улучшилась, небо прояснилось, но все выглядело еще совершенно по-зимнему. Графиня с сыном сидела в своем будуаре. Несмотря на сорокапятилетний возраст, она сумела сохранить почти всю свою ослепительную красоту. В этой благородной, почти девичьей фигуре трудно было предположить мать двадца-

тичетырёхлетнего сына, тем более что они были совершенно непохожи друг на друга. Эдмунд со своими темными волосами и глазами, с бурной горячностью и веселостью, выразившимися в каждом жесте и в каждом слове, был полнейшей противоположностью своей прекрасной матери, белокурые волосы и голубые глаза которой великолепно гармонировали с холодным спокойствием, обычно присущим ей. Лишь по отношению к своему любимцу оно уступало место более теплому выражению.

Молодой граф, по-видимому, только что окончил свою исповедь о приключениях, которые Освальд называл «безумиями», но, должно быть, ему без особых усилий удалось получить прощение, так как мать хотя и качала головой, но заговорила скорее с нежностью, чем с упрямством:

– Ах ты своевольник! Пора тебя опять прибрать к рукам. Ты, кажется, на свободе совсем забыл о материнской узде. Выдержишь ли ты ее снова?

– Если она будет в твоих руках всегда! – заверил ее Эдмунд, с чувством поднося к губам ее руку, но затем, опять впадая в свою прежнюю беспечность, продолжал: – Я заранее предсказывал Освальду, что приговор мне будет милостивым. Я знаю свою маму.

Лицо графини омрачилось.

– По-видимому, Освальд был не на высоте своих обязанностей, – возразила она. – Я видела это уже по твоим письмам. Как старший и более благоразумный, он должен был всюду сопровождать тебя, а вместо этого он давал тебе полную свободу. Если бы твой собственный характер не предохранял тебя от более дурного чем просто глупости, Освальд, наверное, тоже не сделал бы этого.

– Ну, предупреждал он достаточно, – вступился Эдмунд, – и я сам виноват, если не слушал его. Но теперь прежде всего один вопрос, мама! Почему Освальд сослан в боковой флигель?

– Сослан? Что за выражение! Ты ведь видел перестановку, которую я сделала в твоих комнатах. Разве тебе не нравится такое обновление?

– Да, но...

– Тебе необходимо теперь жить в отдельном помещении, – перебила графиня сына. – Когда ты, как хозяин майората, примешь свои имения, тебе будет неудобно находиться в одних комнатах с двоюродным братом. Он сам поймет это.

– Но для этого не надо было загонять его в старое здание, которым пользуются только в исключительных случаях, – заметил Эдмунд. – В замке комнат достаточно. Твое распоряжение оскорбило Освальда; я ясно видел это. Возьми его обратно, прошу тебя.

– Я не могу сделать этого, не показавшись смешной в глазах прислуги, – сказала графиня. – Если ты хочешь пойти наперекор моему приказанию, можешь сделать это.

– Мама! – с недовольством воскликнул молодой граф, – ты ведь знаешь, что я никогда не вмешиваюсь в твои распоряжения. Но это было ни к чему; Освальд и без того покинет нас через несколько месяцев.

– Да, осенью! До тех пор мой брат предпримет необходимые меры, чтобы открыть ему доступ на государственную службу.

Эдмунд устался в пол.

– Мне кажется, у Освальда другие планы на будущее, – неуверенно проговорил он.

– Другие планы? – повторила графиня. – Я не хочу думать, что он вторично нас не послушает. Тогда, когда речь шла о вступлении его на военную службу, только ты вырвал у меня согласие на его отказ от этого. Ты всегда был на его стороне. Тогдашнего его упрямства я не простила ему до сих пор.

– Это было вовсе не упрямство, – защищал брата Эдмунд, – а только убеждение Освальда, что, как офицер и представитель старого дворянского рода, он не смог бы служить, не пользуясь в течение очень продолжительного времени моей поддержкой.

– Которую ты ему и оказал бы с лихвой.

– Но которую он ни за что не хочет принять. Он обладает несокрушимой гордостью.

– Скажи лучше – несокрушимым высокомерием, – возразила графиня. – Я знаю это; мне пришлось бороться с этим с того самого дня, когда он вошел к нам в дом. Если бы мой муж не завещал, что он должен учиться и путешествовать вместе с тобой, я никогда не оставляла бы тебя в его обществе. Он никогда не был мне симпатичен. Я не выношу этих холодных, испытующих, настороженных взглядов, которые за всем следят и от которых не может укрыться ничто, даже самое сокровенное.

Эдмунд громко расхохотался.

– Но, мама, ты изображаешь Освальда настоящим сыщиком. Он, действительно, очень наблюдательный; это видно по его метким замечаниям относительно людей и обстоятельств, совершенно ускользающим от других. Но здесь, в Эттерсберге, это ни к чему; у нас, слава Богу, нет никаких тайн.

Графиня склонилась над бумагами, лежавшими на столе, по-видимому, что-то разыскивая среди них.

– Невероятно! Я никогда не могла понять твою слепую привязанность к Освальду. Ты со своим мягким, открытым характером, всецело и безраздельно отдающийся другим, и ледяная замкнутость Освальда! Вы похожи друг на друга, как огонь и вода.

– Может быть, поэтому нас так и тянет друг к другу, – улыбнулся Эдмунд. – Освальд не ласков, я согласен с этим, а со мной в особенности. И тем не менее меня влечет к нему, точно так же и он любит меня, я знаю это.

– Ты думаешь? – холодно спросила графиня. – Ошибаешься. Освальд принадлежит к натурам, ненавидящим тех, от кого они должны принимать благодеяния. Он никогда не простит мне, что мое замужество разрушило их с отцом надежды, и точно так же не простит тебе, что ты стоишь между ним и майором. Я знаю его лучше, чем ты.

Эдмунд замолчал; он знал по опыту, что его защита только ухудшит дело, так как здесь говорила материнская ревность, просыпавшаяся каждый раз, как только сын открыто выражал свою симпатию двоюродному брату и товарищу детства. Да и продолжение разговора должно было прекратиться само собой, так как появился его виновник.

Приветствие Освальда было таким же официальным, а ответ тетки таким же холодным, как и вчера; каков бы ни был характер отношений тетки с племянником, утренние приветствия были законом. На этот раз только что оконченное путешествие дало повод к более продолжительной беседе. Эдмунд рассказал несколько приключений; Освальд дополнил и закончил их, и, таким образом, визит, ограничивавшийся обычно двумя-тремя минутами, продолжался более четверти часа.

– Вы оба сильно изменились за эти шесть месяцев, – сказала, наконец, графиня. – В особенности ты, Эдмунд, с таким смуглым лицом кажешься теперь совсем южанином.

– Меня очень часто принимали за него, – согласился Эдмунд. – В этом отношении я, к сожалению, ничего не унаследовал от моей прекрасной белокурой мамы.

Мать улыбнулась.

– Ну, я думаю, ты мог бы быть доволен тем, что дала тебе природа. На меня ты, во всяком случае, совсем не похож, скорее на отца.

– На дядю? Едва ли! – заметил Освальд.

– Как ты можешь судить об этом? – спросила графиня. – И ты, и Эдмунд были еще мальчиками, когда умер мой муж.

– О, нет, мама, не трудись, пожалуйста, искать какое-нибудь сходство! – вступился Эдмунд. – Я, правда, помню папу очень мало, но ведь у нас есть его большой портрет в натуральную величину. У меня нет ни одной черты, похожей на него. Собственно говоря, это весьма странно, потому что именно в нашем роду фамильное сходство выражается очень резко.

Взгляни на Освальда! Истинный Эттерсберг, с головы до пят. Он изумительно похож на старые, висящие в нашем зале портреты предков, у которых из поколения в поколение повторяются те же черты. Бог знает, почему я не удостоился этого исторического фамильного сходства. Что ты так смотришь на меня, Освальд?

Молодой человек, действительно, испытующе смотрел на двоюродного брата.

– Я нахожу, что ты прав, – ответил он. – У тебя нет ни одной черты Эттерсбергов.

– Это опять одно из твоих необоснованных предположений, – резким тоном сказала графиня. – Такие фамильные черты очень часто отсутствуют в юношеском возрасте, зато тем резче выступают в зрелости. То же самое будет и с Эдмундом.

– Едва ли, – со смехом покачал головой молодой граф. – Я создан совсем из другого материала и часто спрашиваю себя, каким образом я со своею кипучей, подвижной натурой, с этими легкомыслием и отвагой, из-за которых мне так часто читают нотации, попал в этот род, с незапамятных времен отличавшийся предельной серьезностью и рассудительностью и при этом порядочной тупостью и скукой. Освальд был бы гораздо лучшим главой рода, чем я.

– Эдмунд! – воскликнула графиня, однако было неизвестно, относилось ли это восклицание к последней его фразе или вообще к легкомысленному выпадку против предков.

– Ах, да, – промолвил слегка сконфуженный Эдмунд. – Прошу прощения у теней моих пращуров. Видишь, мама, я, к сожалению, ничего не унаследовал от их талантов, даже рассудительности.

– Мне кажется, тетушка думала другое, – спокойно промолвил Освальд.

Графиня закусила губы. На ее лице ясно отразилось, что она снова чувствовала полнейшее отвращение к «холодному, пытливому взору», остановившемуся теперь на ней.

– Бросьте, наконец, этот спор о фамильном сходстве! – оборвала она разговор. – В наследственности бывают как правила, так и исключения. Освальд, мне хочется, чтобы ты посмотрел эти бумаги. Ты ведь юрист. Наш поверенный считает это дело сомнительным, я же думаю, и Эдмунд того же мнения, что мы обязаны довести его до конца. – И она подвинула племяннику бумаги, лежавшие перед ней на столе.

Тот бросил на них беглый взгляд и произнес:

– Ах, вот что! Речь идет о процессе против советника Рюстова из Брюннека.

– Боже мой, неужели эта история еще не окончена? – спросил Эдмунд. – Процесс был начат еще до нашего отъезда.

Освальд насмешливо улыбнулся.

– По-видимому, у тебя довольно своеобразное понятие о продолжительности судебных дел такого рода. Это может длиться годами. Если ты, тетя, позволишь, я возьму бумаги с собой, чтобы просмотреть их по свободе, если только Эдмунд...

– Нет-нет, увольте меня, ради Бога! – замахал руками граф. – Я наполовину уже забыл всю эту историю. Этот Рюстов, кажется, женился на дочери дяди Франца и предъявляет теперь права на Дорнау, который дядя в своем завещании отказал мне?

– И вполне справедливо, – заключила графиня, – так как эта свадьба состоялась против его воли. Его дочь своим неравным браком порвала с ним и со своей родней. Вполне естественно, что он совсем лишил ее наследства, и так же естественно, что он, так как в живых не было более близких родственников, захотел присоединить Дорнау к майорату нашего рода и, следовательно, завещал его тебе.

При этом объяснении по лицу Эдмунда пробежала тень недовольства.

– Может быть, все это и так, но для меня это дело крайне неприятно. Для чего мне, владельцу Эттерсберга, обладание еще каким-то Дорнау? Я представляю себя вторгающимся в чужие владения, которые, вопреки всяким семейным разладам и завещаниям, все же принадлежат прямым наследникам. Мне кажется было бы лучше всего, чтобы было заключено какое-нибудь соглашение.

– Это невозможно, – безапелляционно заявила графиня. – Упрямство Рюстова с самого начала придало делу такое направление, которое исключает всякое соглашение. Тот способ, которым он стал оспаривать завещание, и образ действий, с каким он выступил против тебя, законного наследника, были буквально оскорбительны и всякую уступчивость с нашей стороны делали непростительной слабостью. Кроме того, ты не имеешь права выступать против ясно выраженной воли нашего родственника. Он во что бы то ни стало хотел лишиться наследства эту госпожу Рюстов.

– Да ведь ее уже несколько лет как нет в живых, – заметил Эдмунд, – а ее муж не имеет на наследство никаких прав.

– Нет, но он предъявляет иск от имени своей дочери.

Оба молодых человека одновременно взглянули друг на друга, и Эдмунд, словно ужаленный, привскочил на месте.

– Своей дочери? Значит, у него есть дочь?

– Конечно! Девушка лет восемнадцати, насколько я знаю.

– Значит, эта барышня и я – враждующие претенденты на наследство?

– Разумеется! Но что тебя вдруг так заинтересовало?

– Победа, я нашел ее! – воскликнул Эдмунд. – Освальд, ведь это наша вчерашняя очаровательная незнакомка. Вот почему наша встреча показалась ей такой смешной; вот почему она отказалась назвать нам свое имя; вот откуда намек на отношения между нами!.. Все это сходится точь-в-точь! Теперь в этом нет ни малейшего сомнения.

– Не скажешь ли ты мне, наконец, что все это значит? – спросила графиня, очевидно, находившая такое оживление сына весьма неподходящим к случаю.

– Конечно, мама, сейчас же! Мы познакомились вчера с одной молодой особой, или – вернее – я познакомился с ней, потому что Освальд, по своему обыкновению, нисколько не интересовался этим. Ну, зато я старался за нас обоих, – и молодой граф со всеми подробностями начал рассказывать о вчерашнем приключении, откровенно радуясь тому, что открыл инкогнито своей прекрасной незнакомки.

Несмотря на это, ему не удалось вызвать улыбку на лице матери. Она молча слушала его и, когда он закончил свой воодушевленный рассказ, сказала ледяным тоном:

– По-видимому, ты смотришь на эту встречу как на развлечение. Мне на твоём месте она показалась бы очень неприятной. Неприятно сталкиваться с лицами, с которыми находишься во враждебных отношениях.

– Враждебных? – воскликнул Эдмунд. – К восемнадцатилетним девушкам я никогда не отношусь враждебно, а к этой и подавно, хотя бы она даже претендовала на самый Эттерсберг. Я с удовольствием положил бы к ее ногам весь Дорнау, если бы...

– Прощу тебя, Эдмунд, не относиться к этому с таким легкомыслием, – перебила его графиня. – Я знаю, ты любишь подобные глупости, но речь идет о серьезных вещах. Процесс ведется противниками с ожесточением и враждебностью, исключаящими всякие личные отношения. Я надеюсь, что ты поймешь это и будешь решительно избегать дальнейших встреч. Я требую этого.

С этими словами она поднялась и, чтобы сын не сомневался относительно ее крайнего недовольства, вышла из комнаты.

Молодой владелец майората, о высоком положении которого мать напоминала при каждом случае, по-видимому, еще далеко не вышел из-под опеки, так как не пытался возражать ей, хотя процесс касался, собственно, его одного.

– Этого надо было ждать, – промолвил Освальд, когда за графиней закрылась дверь. – Почему ты не замолчал вовремя?

– Да мог ли я знать, что мою откровенность примут так немилостиво? По-видимому, с этим Рюстовым идет настоящая война. Но это не имеет значения, я все-таки отправлюсь в Бруннек.

Освальд уронил бумаги, просмотром которых занялся.

– Не хочешь ли ты нанести визит советнику?

– Конечно, хочу! Неужели ты думаешь я откажусь от этого очаровательного знакомства, потому что наши адвокаты ведут процесс, который для меня, по существу, в высшей степени безразличен? Наоборот, я воспользуюсь случаем, чтобы представиться моей прекрасной противнице в качестве врага и ответчика. На этих днях я отправлюсь туда.

– Советник вышвырнет тебя за дверь, – сухо заметил Освальд. – Своей невероятной грубостью он известен всем.

– В таком случае тем вежливее буду я! На отца такой дочери я вообще обижаться не могу, да, наконец, и у этого медведя есть же, вероятно, какие-нибудь человеческие чувства. Не смотри так мрачно, Освальд! Может быть, ты ревнуешь? В таком случае ты волен ехать со мной и сам попытать свое счастье.

– Избавь меня от подобных комедий! – холодно ответил Освальд, поднимаясь с места и отходя к окну.

В его движениях и тоне слышалось с трудом скрываемое раздражение.

– Как хочешь! Но еще одно! – Молодой граф внезапно стал серьезным. Озабоченно взглянув на дверь соседней комнаты, он продолжал: – Не рассказывай пока о своих планах на будущее! Почва для них далеко неблагоприятна. Я хотел прозондировать ее и облегчить тебе неизбежное объяснение, но это вызвало такую бурю, что я предпочел умолчать о том, что знаю.

– К чему это? В ближайшее время мне придется поговорить об этом с тетей. Я не вижу никакой пользы от отсрочки.

– Ну можешь ты помолчать, по крайней мере, с неделю? – сердито воскликнул Эдмунд. – Моя голова занята сейчас совсем другим, и у меня нет никакой охоты все время быть в качестве ангела-примирителя между тобой и мамой.

– Разве я тебя просил об этом? – спросил Освальд так резко, что граф вздрогнул.

– Освальд, ты заходишь слишком далеко. Правда, я привык к тому, что ты всегда отталкиваешь меня подобным образом, и, действительно, не понимаю, почему выношу от тебя то, чего никогда не простил бы никому другому.

– Потому что во мне ты видишь униженного, Зависимого родственника и чувствуешь себя обязанным быть великодушным по отношению... к бедному двоюродному брату.

В этих словах слышалась такая безграничная горечь, что Эдмунд сразу же успокоился.

– Ты обиделся, – примирительно промолвил он. – И ты прав. Но почему же за вчерашнее ты заставляешь отвечать меня? Я ведь совсем не виноват в этом! Ты знаешь, я не могу серьезно противоречить маме, хотя решительно не согласен с ней. Но в этом случае она уступит; или твои комнаты будут завтра же находиться рядом с моими, или я сам перееду в боковой флигель и поселюсь у тебя, несмотря ни на пыль, ни на летучих мышей.

Горькое выражение исчезло с лица Освальда, и он заговорил мягче:

– Ты, конечно, был бы в состоянии сделать это, но оставь, пожалуйста, Эдмунд! Право, не важно, где я буду жить эти несколько месяцев своего пребывания здесь. Во флигеле очень спокойно и удобно заниматься. Мне там гораздо приятнее, чем здесь, в вашем замке.

– «В вашем замке!» – повторил задетый за живое Эдмунд. – Как будто он не был когда-то родным и тебе! Но ты именно стараешься показать нам, что ты – чужой. На тебе, Освальд, лежит немалая часть вины за те мучительные отношения, которые создались между тобой и моей матерью; ты никогда не выказывал к ней ни расположения, ни уступчивости. Неужели ты не можешь пересилить себя?

– Там, где требуется слепое подчинение, нет, даже если бы речь шла о всем моем будущем!

– Ну, в таком случае в самом недалеком будущем нам снова надо ждать семейной сцены! – уныло промолвил Эдмунд. – Значит, ты не хочешь менять комнату?

– Нет!

– Как хочешь! Прощай!

Эдмунд направился к двери, но еще не дошел до нее, как Освальд поспешно вышел из оконной ниши и последовал за ним.

– Эдмунд!

– Ну? – спросил останавливаясь граф.

– Я в любом случае останусь в боковом флигеле, но очень благодарен тебе.

Молодой граф улыбнулся.

– Правда? Это почти извинение. Я даже не думал, что ты можешь так тепло благодарить, Освальд, – он вдруг сердечно положил руку на плечо двоюродного брата, – правда ли, что ты ненавидишь меня, потому что судьба сделала меня владельцем майората, потому что я стал на пути между тобой и Эттерсбергом?

Освальд посмотрел на него. Это был снова тот же странный, пытливый взгляд, который, казалось, искал что-то в чертах лица молодого графа, но теперь этот взгляд был освещен теплым, искренним чувством.

– Нет, Эдмунд! – последовал его твердый, серьезный ответ.

– Я так и знал, – воскликнул Эдмунд. – итак, оставим в покое все наши недоразумения! Что же касается нашего дорожного знакомства, то наперед говорю тебе: я сосредоточу всю свою так часто прославляемую любезность, чтобы произвести в Брункеке небывалый эффект, несмотря на твое мрачное лицо, несмотря на гнев матери. И я произведу его, можешь не сомневаться!

С этими словами он схватил двоюродного брата за руку и со смехом увлек его из комнаты.

Глава 3

Бруннек, владение советника Рюстова, был расположен в двух часах езды от Эттерсберга и уже много лет подряд находился в руках теперешнего своего хозяина. Это было солидное, обширное имение со многими постройками и угодьями. Советник считался первым в округе сельским хозяином, его авторитет в этом деле почитался всеми, а так как он, кроме того, был обладателем одного из прекраснейших имений, то его положение во всей окрестности было весьма влиятельным. С громадными имениями Эттерсбергов Бруннек, конечно, не мог равняться; тем не менее все утверждали, что богатство Рюстова нисколько не уступало богатству его сиятельного соседа. Хозяйственные нововведения, которые он произвел в своем имении и продолжал вводить с неутомимой энергией, с течением времени дали превосходные результаты и значительно увеличили его состояние, между тем как в Эттерсберге все хозяйство было в руках управляющих и велось так безалаберно, что о каком-либо доходе с имений не было и речи.

Как уже было упомянуто, оба семейства были друг с другом в родстве, но эти родственные отношения взаимно отрицались с одинаковыми ожесточением и враждебностью. В своем теперешнем положении советник мог бы с большим правом просить руки графини фон Эттерсберг. Тогда, двадцать с лишком лет тому назад, молодой хозяин, только что намеревавшийся полностью отдаться своему призванию, со своим более чем скромным состоянием был совершенно неподходящим женихом, но любовь молодых людей не заботилась ни о предрассудках, ни о препятствиях. Когда их разлучили, когда все просьбы, всякая борьба оказались бесполезными, Рюстов сумел уговорить свою невесту, достигшую тем временем совершеннолетия, на решительный шаг. Она бежала из родительского дома и против воли отца обвенчалась с избранником своего сердца. Молодая парочка надеялась, что когда их брак станет совершившимся фактом, прощение последует само собой; но эта надежда не оправдалась. Ни повторявшиеся несколько раз со стороны молодой женщины попытки к сближению и примирению, ни рождение внучки, ни даже изменившееся положение Рюстова, быстро достигшего известности и богатства, не смогли смягчить отцовский гнев. Он всецело зависел от своей родни, презиравшей мещанский брак.

Госпожа Рюстов умерла, не помирившись с отцом, а с ее смертью вообще исчезла всякая возможность к примирению. Следствием этого явилось упомянутое ныне завещание, в котором не говорилось ни о внучке, ни о ее матери, и по которому Дорнау переходило к старшему в роде, владельцу майората. Это завещание было обжаловано Рюстовым, протестовавшим против отрицания своего брака и желавшим добиться признания своей дочери полноправной внучкой и законной наследницей деда. Совершенно безнадежным процесс назвать было нельзя, так как покойный упустил из виду и точно и определенно не выразил свою волю о лишении наследства. Он довольствовался лишь тем, что считал свою внучку просто не существующей и сообразно с этим распорядился своим состоянием. Эта и некоторые другие юридические оплошности, выяснившиеся впоследствии, делали завещание спорным. Исход дела был, во всяком случае, весьма проблематичным, и адвокатам обеих сторон представлялась хорошая возможность изощряться в остроумии и демонстрировать свою сообразительность.

Господский дом в Бруннеке не был ни так обширен, ни так великолепен, как графский замок в Эттерсберге, но старое и вместительное здание все-таки производило весьма внушительное впечатление. Во внутреннем убранстве не было никакой роскоши, но оно вполне соответствовало положению и состоянию владельца. В большой комнате, выходившей на балкон, где обычно собиралась вся семья, сегодня сидела пожилая дама и просматривала хозяйственные счета. Это была старая родственница хозяина, уже восемь лет (со дня смерти жены Рюстова) исполнявшая обязанности Хозяйки и заменяющая его дочери мать.

Склонившись над столом, она внимательно изучала счета, делая на них различные пометки, как вдруг стремительно открылась дверь, и в комнату поспешно вошел сам советник.

– Черт бы побрал всякие процессы, акты и суды вместе с господами адвокатами! – воскликнул он, с такой силой хлопая дверью, что его родственница вздрогнула.

– Но, Эрих, как вы можете так пугать меня! С тех пор, как начался этот несчастный процесс, с вами нет никакого сладу. Неужели вы не можете потерпеть до конца?

– Потерпеть? – с едкой усмешкой повторил Рюстов. – Хотел бы я видеть того, кто здесь не потеряет терпения! Эти вечные отсрочки, вечные протесты и апелляции. Над каждой буквой завещания они ломают голову, рассуждают, доказывают, и при всем том дело стоит на той же точке, что и полгода назад!

С этими словами он плюхнулся в кресло.

Эрих Рюстов был еще полон сил и здоровья, и по его теперешнему виду можно было судить, как он был красив в молодости. Правда, теперь его лоб и лицо были изборождены морщинами и носили на себе следы забот и треволнений трудовой жизни.

– Где Гедвига? – спросил он после небольшой паузы.

– Час тому назад уехала верхом, – ответила старушка, снова принимаясь за работу.

– Верхом? Да ведь я же запретил сегодня кататься. При внезапно наступившей оттепели дороги не безопасны, а в горах еще лежит глубокий снег.

– Совершенно верно, но ведь вам известно, что Гедвига всегда делает все наоборот.

– Да, это удивительно; она именно так делает, – подтвердил помещик, который, казалось, находил это только странным и не гневался из-за этого как обычно по любому поводу.

– Это вы воспитали девочку совершенно независимой. Сколько раз я просила вас хоть на два, на три года отдать Гедвигу в какой-нибудь институт, но ведь вас никак нельзя было уговорить разлучиться с ней.

– Потому что я не желал, чтобы она стала чужой мне и своей родине. Я достаточно держал для нее здесь, в Бруннеке, всяких учителей и воспитательниц, и она превосходно всему научилась.

– О, да, конечно, во всяком случае она великолепно умеет тиранить вас и весь Бруннек.

– Ах, да не причитайте вы постоянно, Лина! – сердито проговорил Рюстов. – Вы всегда находите в Гедвиге что-нибудь дурное. То она для вас слишком легкомысленна, то недалекая, то недостаточно чувствительна. Для меня она хороша! Я хочу иметь свежего, жизнерадостного, здорового ребенка, а не чувствительную даму «с настроениями» и «нервами».

Говоря это, он многозначительно посмотрел на Лину, но она ответила ему в том же тоне:

– Ну, я думаю, что в Бруннеке можно от них отвыкнуть, вы сами об этом очень заботитесь.

– Да, за эти восемь лет ваши нервы полностью успокоились, – с нескрываемым удовольствием промолвил Рюстов. – Но чувствительность у вас еще осталась. Как вы расчувствовались третьего дня, когда Гедвига по всем правилам отказала вашему протеже, барону Зандену!

Лицо старушки побагровело от гнева.

– Ну, зато тем бесчувственнее была Гедвига. Она высмеяла предложение, которое всякая другая девушка хотя бы выслушала серьезно. Бедный Занден! Он был в полном отчаянии.

– Он утешится, – решил Рюстов. – Во-первых, я думаю, что как его страсть, так и его отчаянье относились больше к моему Бруннеку, чем к моей дочери. Ее приданое как раз подошло бы ему, чтобы спасти его обремененное долгами имение. Во-вторых, он сам виноват, что получил отказ; мужчина должен знать, на что может рассчитывать, прежде чем идти на решительное объяснение. А, в третьих, я вообще не дал бы своего согласия на этот брак, потому что не хочу, чтобы Гедвига вышла за аристократа. Я уже достаточно испытал на своей собственной женитьбе. Из всего знатного общества, терзающего вас своими посещениями, никто, говорю я вам, никто не получит моей дочери. Я сам выберу ей мужа, когда подойдет время.

– И вы думаете, что Гедвига станет ждать? – насмешливо спросила старушка. – До сих пор все женихи были ей безразличны, но как только он почувствует влечение, так и не подумает спрашивать, принадлежит ее суженый к аристократии или нет; она поступит наперекор убеждениям своего отца, а вы, Эрих, как и всегда, подчинитесь воле своей любимицы.

– Лина, не сердите меня! – воскликнул Рюстов. – Вы, кажется, думаете, что я ни в чем не могу противоречить моей дочери?

Он грозно посмотрел на свою родственницу, но она глядела на него безбоязненно.

– Ни в чем! – уверенно ответила она, собрала свои бумаги и вышла из комнаты.

Рюстов был вне себя, может быть, именно потому, что не мог оспаривать справедливость этого утверждения. Быстрыми шагами он метался по комнате и на повороте столкнулся с лакеем, вошедшим в комнату с визитной карточкой.

– Что там такое? Опять какой-то визит? – С этими словами Рюстов взял карточку, но от удивления чуть не выронил ее. – Эдмунд граф фон Эттерсберг! Что это значит?

– Граф желает лично видеть вас, – доложил слуга.

Рюстов снова взглянул на карточку. Как ни непонятно было само по себе это посещение, ему не оставалось ничего другого, как принять этот странный визит.

Как только слуга вышел, появился молодой граф и с такой непринужденностью и уверенностью поклонился до сих пор совершенно незнакомому хозяину, как будто этот визит был чем-то вполне естественным.

– Вы, конечно, разрешите мне, господин советник, лично познакомиться с моим ближайшим соседом? Я бы уже давно сделал это, но занятия и путешествие вынуждали меня отсутствовать в Эттерсберге. Я бывал там всегда очень недолго и лишь теперь в состоянии заполнить пробел.

В первое мгновение Рюстов был настолько ошеломлен такой манерой держаться, что сразу не мог даже рассердиться. Он промычал что-то вроде приглашения садиться. Эдмунд сразу же, не задумываясь, воспользовался этим и так как его противник не обнаруживал никакого желания начать беседу, то он взял этот труд на себя и начал говорить о хозяйстве в Брунке, познакомиться с которым желал уже давно.

Между тем Рюстов успел смерить гостя взглядом с головы до ног и пришел к убеждению, что вся его внешность очень мало соответствовала хозяйственным интересам. Поэтому он довольно невежливым вопросом прервал восторженные излияния Эдмунда.

– Могу я спросить, граф, чем обязан честью вашего посещения?

Эдмунд увидел, что должен изменить план нападения. Обычная вежливость здесь не годилась; молодой граф был наслышан о грубости Рюстова и подготовился к этому.

– Кажется, вы не особенно доверяете моим хозяйственным способностям? – с наилюбезнейшей улыбкой промолвил он.

– А вы, кажется, совсем забыли, что мы не только соседи, но, самое главное, и противники в судебном процессе, – возразил Рюстов, начинавший раздражаться.

Эдмунд небрежно играл хлыстом.

– Ах, да! Вы подразумеваете этот скучный процесс из-за Дорнау?

– Скучный? Вы хотите сказать, бесконечный, это будет вернее. Ведь дело известно вам так же хорошо, как и мне.

– Нет, оно мне совершенно неизвестно, – с величайшей непринужденностью сознался Эдмунд. – Я знаю только, что дело касается завещания моего дяди, отказавшего мне Дорнау, которое вы оспариваете. Я получил бумаги из суда, целые тома, но совсем их не рассматривал.

– Но, граф, ведь вы же ведете процесс! – воскликнул Рюстов, которому такая беспечность была непонятна.

– Простите, пожалуйста, его ведет мой поверенный, – возразил Эдмунд, – и он полагает, что я обязан во что бы то ни стало исполнить волю своего дяди. Лично я к обладанию Дорнау отношусь совершенно безразлично.

– Не думаете ли вы, что им дорожу я? – резко спросил Рюстов. – Мой Бруннек стоит полудюжины таких имений, а моя дочь вовсе не нуждается в дедовском наследстве!

– Так из-за чего же мы тогда спорим? Если дело обстоит так, то можно было бы заключить какое-либо соглашение, которое удовлетворило бы обе стороны...

– Не желаю я никакого соглашения! – неистово воскликнул советник. – Для меня важно не наследство, а принцип, и за него я буду бороться до конца. Если бы мой тесть категорически высказался за лишение наследства – прекрасно! Мы поступили против его воли – он имел право лишить нас наследства. Я не стал бы оспаривать его. Но того, что он самым обидным образом не признавал моего брака, словно тот был незаконным, что ребенка от этого брака он не признавал своей внучкой, я и находясь в гробу никогда не прощу ему и против этого протестую. Брак должен быть признан на зло именно тем, кто его отрицал; моя дочь должна быть признана законной и единственной наследницей, и вот, когда суд вынесет этот неоспоримый приговор, тогда пусть Дорнау летит ко всем чертям или в майоратное владение вашей семьи.

«Вот когда начинает прорываться его грубость!» – подумал граф, которого эта сцена очень забавляла.

Он явился с твердым намерением ни за что не обижаться на Рюстова, а потому, приняв и этот выпад с юмором, ответил как нельзя более вежливо:

– Вы изволили привести весьма лестное сопоставление, дорогой сосед. Что Дорнау полетит ко всем чертям – едва ли вероятно; отойдет ли он к Эттерсбергу или Бруннеку, нам придется обождать; ведь это дело суда. Откровенно признаюсь вам, что мне весьма любопытно узнать, какое мудрое решение вынесут господа судьи.

– Ну, я должен сказать, что такого отношения к делу мне еще не приходилось встречать, – заявил изумленный Рюстов.

– Но почему же? Вы боретесь, как сказали сами, только из-за принципа; я, со своей стороны, выступаю лишь представителем воли своего родственника. Мы одинаково не заинтересованы в этом обстоятельстве. Итак, предоставим нашим адвокатам вести процесс с Божьей помощью дальше! Это нисколько не мешает нашим добрососедским отношениям.

Рюстов уже намеревался энергично отклонить эти «добрососедские отношения», как вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась его дочь. Девушка в облегающем костюме для верховой езды, с покрасневшимся от быстрой езды лицом казалась сегодня еще очаровательнее, чем недавно в зимнем костюме. То же самое нашел и Эдмунд, вскочивший с места гораздо поспешнее, чем этого требовала обычная вежливость. Гедвига, вероятно, уже узнала от слуги, кто находился у отца, и, нисколько не удивляясь, полуофициальным кивком ответила на поклон графа; но веселый огонек, сверкнувший в ее глазах, показал ему, что она, так же как и он, не забыла их встречи. Волей-неволей советник должен был снизить до представления, а тон его голоса, когда он произносил до сих пор ненавистное имя Эттерсбергов, показывал, что носитель его, несмотря на все, уже приобрел некоторый шанс.

– Я лишь недавно узнал, кого послала мне судьба в противники по процессу, – обратился Эдмунд к молодой девушке, – поэтому поспешил представиться вам в качестве врага и противника.

– Следовательно, вы явились в Бруннек, чтобы ознакомиться с местоположением неприятеля, – спросила Гедвига, переходя на задорный тон.

– Непременно! В силу действующих обстоятельств это моя обязанность. Ваш батюшка уже простил мне вторжение на вражескую территорию. Очень может быть, что я могу надеяться на то же самое и от вас, хотя недавно вы решительно отказались назвать мне свое имя.

– Что такое? – вмешался Рюстов. – Ты знаешь графа?

– Конечно, папа, – нисколько не смущаясь, ответила Гедвига. – Ведь тебе уже известно, что, возвращаясь из города, я вместе с Антоном чуть не застряла в снегу; я рассказывала тебе о двух незнакомцах, с помощью которых мы выбрались из ущелья.

Только теперь советнику стало понятно, откуда у его молодого гостя появилось добрососедское расположение. До сих пор он тщетно ломал над этим голову; но и это открытие, по видимому, не очень его обрадовало, потому что он ответил дочери довольно недружелюбно:

– Так, значит, это был граф Эттерсберг! Почему же ты скрыла от меня его имя?

– Потому, что знала твое предубеждение, папа, – звонко расхохоталась Гедвига. – Я думаю, что если бы нас застигла какая-нибудь лавина, ты не простил бы мне, что меня засыпало вместе с одним из Эттерсбергов.

– На наших дорогах лавин не бывает, – нахмурился Рюстов, которому очень не нравилась эта веселость.

– О, нет, нечто подобное случилось недавно в долине, – вмешался Эдмунд. – Уверяю вас, положение было очень опасным. Я был очень счастлив предложить фрейлейн Гедвиге свою помощь.

– Но, граф, ваша помощь выражалась лишь в том, что вы почти все время стояли на подножке кареты, – насмешливо возразила девушка. – Ваш молчаливый спутник вызволил нас из беды. Он, – она немного замялась, – конечно, не приехал с вами.

– Освальд не знает, что я как раз сегодня поехал в Бруннек, – сознался Эдмунд. – Он, несомненно, будет упрекать меня за то, что я лишил его счастья...

– О, пожалуйста, не трудитесь убеждать меня! – перебила его девушка, делая недовольную гримасу и надменно закидывая голову. – Я уже достаточно познакомилась с вежливостью вашего двоюродного брата и совсем не горю желанием возобновить наше знакомство.

Эдмунд не обратил внимания на раздраженный тон этих слов. Он находил вполне естественным, что забыли об угрюмом необщительном Освальде, в то время когда он, граф Эттерсберг, расточал всю свою любезность и делал это с такой непринужденностью, что его обаянию поддался даже Рюстов. Правда, он противился этому изо всех сил, старался сохранить свое недовольство и различными едкими замечаниями давал понять это, но ни то, ни другое ему не удавалось: и характер, и внешность молодого графа с каждой минутой все больше и больше захватывали его. Эдмунд старался уничтожить создавшееся против него предубеждение; он блистал остроумием, очаровывал разговором и был бесконечно любезен. Недружелюбно настроенный помещик был побежден раньше, чем отдал себе в этом отчет; под конец он совсем забыл, с кем имеет дело, и когда, наконец, Эдмунд собрался уходить, случилось нечто невероятное – Рюстов проводил его и на прощанье даже пожал руку.

Он опомнился лишь возвратившись в комнату, и к нему вернулось прежнее раздражение. Когда же помещик увидел, что Гедвига, стоя на балконе, отвечала на прощальный привет графа, буря разразилась вовсю.

– Ну, это переходит всякие границы. Такую наглость мне еще не приходилось встречать! Этот граф запросто является сюда, разыгрывает сплошную любезность, к процессу относится как к пустяку, говорит о соглашениях, о дружеских чувствах, о чем угодно, очаровывает своими манерами, так что не успеваешь опомниться... В другой раз я этого не допущу. Если он пожалует снова, я прикажу ответить, что меня нет дома.

– Ты этого не сделаешь, папа, – сказала Гедвига, подойдя к нему и ласково обнимая за шею. – Для этого он слишком понравился тебе самому.

– Да? Кажется, и тебе тоже? – Отец окинул ее критическим взглядом. – Ты думаешь, я не знаю, что привело этого молодого человека в Бруннек? Ты думаешь, я не заметил, как он поцеловал твою руку на прощанье? Но подобные вещи я запрещаю вам навсегда. Ни с каким Эттерсбергом я не желаю иметь дела; я слишком хорошо знаю это общество. Высокомерие, себя-

любие, безрассудное упрямство – вот отличительные черты этого рода; все они одним миром мазаны.

– Неправда, папа! – решительно заявила Гедвига. – Моя мать также была из Этгерсбергов, а ты был с ней очень счастлив!

Это замечание было столь веским, что Рюстов немного опешил.

– Так она была исключением, – нашелся он наконец.

– Мне кажется, что граф Эдмунд также исключение, – доверчивым тоном промолвила Гедвига.

– Да? Тебе так кажется? В свои восемнадцать лет ты удивительно разбираешься в людях! – воскликнул советник и стал читать дочери нотацию.

Гедвига слушала отца с таким видом, который ясно доказывал, что для нее этот разговор в высшей степени безразличен, и если бы отец мог прочесть ее мысли, он, наверное, снова нашел бы очень «удивительным», что она и на этот раз предполагала сделать обратное тому, что ей было приказано.

Глава 4

Март и даже большая часть апреля уже прошли, и снежные метели и холода окончились. Тем не менее весна еще не наступила. Все вокруг было пусто и голо, а тепла и солнечного света не было и в помине.

Во враждебных отношениях между Эттерсбергом и Бруннеком на первый взгляд ничего не изменилось. Процесс шел своим чередом; каждая сторона отстаивала свою точку зрения. Графиня приводила доказательства от имени своего сына, для которого это дело по-прежнему не представляло ни малейшего интереса, а Рюстов выступал представителем своей несовершеннолетней дочери, у которой вообще не могло быть еще своего мнения.

Но эти два главных лица, которые, собственно, вели друг с другом процесс, держали себя далеко не так пассивно, как это казалось, и с величайшим упорством отстаивали свои права, не подозревая, какой сюрприз готовился тем временем.

Последние недели Рюстов вообще не жил в Бруннеке. Участие в одном крупном промышленном предприятии требовало его продолжительного присутствия в городе.

Когда по прошествии недели граф Эттерсберг нанес повторный визит в Бруннеке, он уже не застал там хозяина; но Гедвига с теткой были дома, и Эдмунд не преминул явиться к дамам. За вторым визитом вскоре последовали третий и четвертый, и с тех пор стали происходить удивительные «случайные» встречи: всякий раз, как обе дамы выезжали на прогулку, в гости или с визитом, молодой граф непременно встречался с ними на дороге. Это всегда давало повод к более или менее продолжительной беседе. Короче говоря, добрососедские отношения все больше и больше налаживались.

Рюстов, конечно, ничего об этом не знал. Его дочь не находила нужным в своих письмах упоминать о подобных обстоятельствах, а Эдмунд придерживался такой же тактики по отношению к матери. Правда, своему двоюродному брату он с восторгом рассказал о своем первом «вторжении на вражескую территорию», но так как Освальд сделал ему несколько резких замечаний и нашел неудобными близкие отношения с обитателями Бруннеке в продолжение всего процесса, то и он не был удостоен посвящения в дальнейшее их развитие.

Был конец апреля. В один довольно прохладный и пасмурный день граф Эттерсберг и Освальд шли через лес. Это, по-видимому, не была прогулка, так как они внимательно осматривали окрестности, и Освальд настойчиво повторял брату:

– Вот полюбуйся на своих лесничих! Прямо-таки невероятно, как здесь хозяйничают в последние годы; они наполовину вырубил лес. Не понимаю, как это тебе не бросилось в глаза; ты ведь почти каждый день едешь верхом.

– Ну, я не обращал на это внимания, – сказал Эдмунд. – Ты прав, это, действительно, наводит на грустные размышления, но управляющий утверждает, что только таким образом он мог покрыть расходы.

– Управляющий может утверждать что угодно, а так как он у твоей матери в большой милости, то она слепо доверяет ему.

– Я поговорю об этом с мамой, – заявил молодой граф. – Собственно, было бы лучше, если бы это сделал ты. Ты умеешь объяснить и лучше, и убедительнее меня.

– Ты знаешь, что я никогда не лезу со своими советами к твоей матери, – холодно возразил Освальд. – Да и она приняла бы их как неуместное вторжение в ее дела и непременно отвергла бы.

Эдмунд промолчал, он чувствовал справедливость этих слов.

– Ты считаешь управляющего нечестным? – после непродолжительного молчания спросил он.

– Нет, но совершенно бездарным. Он не умеет ни распоряжаться, ни организовывать. То же, что ты видишь в лесу, происходит и во всем хозяйстве. Каждый из служащих хозяйничает по-своему, и если так будет продолжаться, от всех твоих имений вскоре и следа не останется. Взгляни на Бруннек, как там поставлено дело! Советник извлекает из одного своего имения столько же, сколько ты из всех своих поместий, а в Эттерсберге имеются еще и другие источники доходов. До сих пор ты должен был полагаться на других, но теперь сам здесь и можешь взять управление Имениями в свои руки. Теперь необходимо энергично взяться за них.

– Чего только ты не узнал за эти шесть недель! – с искренним изумлением промолвил Эдмунд. – Если дело находится в таком положении, то я, конечно, энергично возьмусь за него. Только бы мне узнать, с чего, собственно, нужно начать.

– Сначала уволь всех служащих, которые оказались неспособными, и замени их лучшими! Боюсь только, что тебе придется поменять весь состав.

– Ради Бога, нет! Недовольства и неприятностей не оберешься! Я терпеть не могу новых людей, да, кроме того, пройдут месяцы, пока они привыкнут к новой работе. А я тем временем должен буду все взять на себя.

– На то ты и хозяин. По крайней мере, ты можешь тогда приказывать.

Эдмунд засмеялся.

– Да, если бы у меня была твоя страсть командовать, а в придачу и твой талант! Ты за месяц совершенно преобразил бы Эттерсберг, а за три года создал бы из него такое же образцовое хозяйство, как Бруннек. Если бы ты, по крайней мере, остался со мной, Освальд, у меня была бы тогда поддержка. Но ты во что бы то ни стало хочешь уехать осенью, и я останусь один с ненадежными или чужими людьми. Прекрасная перспектива! Я еще не вступил во владение майоратом, а он уже стал для меня мукой.

– Но судьба сделала тебя хозяином майората, – насмешливо сказал Освальд, – значит, ты должен нести это тяжелое бремя.

Повторяю, Эдмунд, используй последнюю возможность что-нибудь сделать здесь. Обещай мне, что сразу же примешься за работу!

– Да, конечно, непременно, – воскликнул молодой граф, которому этот разговор, видимо, наскучил, – как только у меня будет время; теперь же голова у меня занята совсем другим.

– Более важным, чем процветание или гибель твоих имений?

– Может быть! Но теперь я должен идти. Ты отсюда вернешься домой?

Этот вопрос был несколько странен, но Освальд не обратил на него внимания.

– Конечно!.. Разве ты не пойдешь со мной.

– Нет, мне надо сходить к лесничему. Он взял к себе для дрессировки мою Диану; я должен посмотреть.

– Неужели это так необходимо сейчас? – удивленно спросил Освальд. – Ты ведь знаешь, что сегодня из города приедет твой поверенный на совещание с тобой и твоей матерью, и ты обещал быть дома вовремя.

– О, до того времени я успею вернуться, – сказал Эдмунд. – Прощай, Освальд! Не делай такого мрачного лица. Обещаю тебе, что завтра или послезавтра я обязательно поговорю с управляющим. Во всяком случае, это произойдет на днях.

Затем он свернул на тропинку и вскоре исчез за деревьями. Освальд угрюмо смотрел ему вслед.

– Ни завтра, ни послезавтра ничего не изменится и вообще никогда. Опять у него в голове разные глупости, из-за них весь Эттерсберг может пойти прахом. Собственно, что мне за дело до этого? – По лицу молодого человека пробежало выражение глубокой горечи. – Я чужой был и останусь таковым. Если Эдмунд ничего не хочет слушать, пусть и отвечает за последствия! Я не буду больше беспокоиться.

Но сказать было легче, чем сделать. Взгляд Освальда непрестанно возвращался к безжалостно вырубленному лесу. Его гнев по поводу такого опустошения не улегся, и, собираясь вернуться домой, он поднялся в гору, чтобы взглянуть на другую часть леса. Здесь тоже не было ничего утешительного; тут также повсюду похозяйничал топор, и только наверху кончалось это варварство. Но там начинались уже владения Бруннека, где, конечно, все выглядело гораздо лучше.

Сначала только ради сравнения Освальд вступил в чужие владения, но при виде этого роскошного, заботливо ухоженного леса его недовольство возросло еще больше. Со дня смерти старого графа все имения Эттерсберга находились в руках служащих. Графиня, окруженная богатством и роскошью с первых же дней своего замужества, считала вполне естественным, что все хозяйство ведут подчиненные и почти не посвящают в него хозяев. Кроме того, все в доме было поставлено на широкую ногу; для этого были необходимы средства, и хозяева добывали их любыми путями. Брат графини, опекун Эдмунда, жил в столице, где занимал высокий пост, и был очень занят своей службой. Он вообще вмешивался в дела только в особых случаях, когда сестра просила его совета или помощи. Правда с совершеннолетием Эдмунда это должно было закончиться, но чего можно было ждать от молодого хозяина, он показал сейчас. Освальд без огорчения не мог смотреть на то, как одно из самых богатых во всей стране имений вследствие беззаботности и равнодушия своих владельцев шло к неминуемой гибели. Сознание этого было для него настолько тяжелым, что ему казалось, будто немедленное энергичное вмешательство могло бы еще все спасти. Через пару лет будет, пожалуй, слишком поздно.

Задумавшись, молодой человек все больше углублялся в лес, но наконец остановился и взглянул на часы. Прошло больше часа, как он расстался с Эдмундом, который уже давно должен был находиться на пути к дому. Освальд также решил вернуться, но выбрал для этого другую, более дальнюю дорогу. Ему незачем было торопиться; его присутствие на совещании не было ни необходимым, ни желательным.

Должно быть, странные мысли роились в голове молодого человека, когда он медленно брел по тропинке. Он уже давно не думал ни о лесничих, ни об управлении имением. Его лоб грозно хмурился, а на лице было такое угрюмое, неприязненное выражение, словно он готовился к сражению с целым светом. Это было мрачное раздумье, беспокойно сосредоточившееся на одной мысли; он тщетно старался освободиться от него, но оно все больше и больше овладевало им.

– Не хочу я больше думать об этом, – промолвил наконец Освальд вполголоса. – И почему только меня постоянно преследует это несчастное подозрение, от которого я не могу отделаться? У меня нет никаких доказательств, которые подтверждали бы его, а тем не менее оно отвлекает каждый час, каждый миг моей жизни. Прочь, прочь!

Он провел рукой по лбу, словно желая прогнать мучительные думы, и быстрее пошел по дороге, выходящей из леса. Через некоторое время он вышел на открытый холм, но остановился как вкопанный при виде совершенно неожиданного зрелища, представившегося его глазам.

Не дальше как в двадцати шагах на опушке леса на траве сидела какая-то девушка. Она сняла с себя шляпу, так что можно было свободно видеть ее лицо, а кто хоть однажды видел это очаровательное личико с сияющими темными глазами, тот не так легко мог его забыть. Это была Гедвига Рюстов, а рядом с ней в довольно непринужденной позе сидел граф Эдмунд. Оба были заняты оживленной беседой, но она, по-видимому, не была ни серьезной, ни содержательной. Скорее это была все та же игра слов, которую они вели при первой встрече, смех и шутки без конца, только сегодня это имело вид очень тесной близости. Эдмунд шутливо взял шляпу из рук девушки и бросил ее на траву, между тем как сам овладел ее руками и стал неистово их целовать, а Гедвига и не думала возражать, словно это было вполне естественно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.